

Иллюстрация: Mila Grabowski для ОВД-Инфо

11.02.2025, 20:47 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

Не убий, но пусть умрет. Как система медпомощи ФСИН губит здоровье заключенных

По подсчетам проекта ОВД-Инфо **«Неотложка»**, прямо сейчас более **160** политзаключенных нуждаются в медицинской помощи разной степени срочности. История Игоря Барышникова, который продолжает терять здоровье в заключении, **стала широко известной**. Мы решили разобраться, почему во ФСИН все так плохо с медициной: злой ли это умысел или недостатки самой системы?

Предупреждение: в тексте есть подробное описание заболеваний и медицинских процедур, а также упоминается смерть

Игорь Барышников, осужденный за «фейки об армии» (ст. 207.3 УК), начал **слепнуть**, ему нужна срочная помощь врачей, которую в колонии не оказывают. Мужчина уже практически не видит одним глазом, а кроме того, после операции на простате у него развился **свищ**.

«У него очень сильно упало зрение на один глаз, осталось 5%. Он далеко от туалета отойти не может. Операцию сделали, и в месте, где стояла **трубка**, образовался свищ, он все время подтекает. В общей камере, 50 человек спят, одна раковина. Как ему это промывать? В любой момент может быть заражение, все что угодно», — рассказывает адвокат заключенного Мария Бонцлер.

В конце сентября мужчине удалили аденому предстательной железы, затянув с операцией минимум на полгода. Уже через несколько дней его вернули в колонию, там врачи удалили свищ, который, видимо, развился вновь.

22 июня 2023 года Барышникова **приговорили** к 7,5 годам колонии общего режима по статье о распространении «фейков» о ВС РФ (ч. 2 ст. 207.3 УК). После этапирования в колонию состояние мужчины было критическим: он испытывал сильные боли, руки почернели из-за грибка. Помогать осужденному начали только после масштабной общественной кампании. В феврале 2024-го колония **отказалась** принять для заключенного лекарства, а в апреле адвокат сообщал, что УФСИН не может обеспечить ими Барышникова.

Бонцлер рассказывает, что адвокаты снова обратились в Комитет по правам человека ООН. Именно благодаря вмешательству ООН Барышникову провели операцию.

Игорь Барышников в больнице до приговора, июнь 2023 года / Фото: ОВД-Инфо

«В ООН потребовали от России срочно обеспечить меры по лечению Барышникова. Представляете, какой кошмар? Чтобы вылечить человека в тюрьме, надо выйти на Комитет по правам человека ООН... Полтора года продержали эпицистостому, столько нельзя. Естественно, и почки отравились за это время, и весь организм», — говорит Бонцлер.

К январю 2024 года ОВД-Инфо известно как минимум о **160 заключенных, преследуемых по политическим мотивам, которым своевременно не помогают врачи**. Их жизнь и здоровье находятся под угрозой из-за бесчеловечного обращения и плохих условий содержания. По мнению Марии Бонцлер, именно к политическим отношение медицинского руководства очень плохое.

В декабре проект «Лица российского сопротивления» начал «Кампанию по освобождению 120 тяжелобольных политических заключенных». Активисты **призывают** подписать петицию в их поддержку и намерены просить о помощи мировых лидеров.

С ЛЕКАРСТВАМИ ПЛОХО, С ОБОРУДОВАНИЕМ ПЛОХО, ДЕНЕГ ВСЕ МЕНЬШЕ

В учреждениях ФСИН по всей стране есть проблемы с медицинским оснащением, зачастую не хватает врачей и лекарств. Заключение подрывают здоровье в колониях и в СИЗО во время следствия и этапирования.

По данным «Если быть точным», от болезней в 2021 году в заключении умерли 1917 человек (80% от всех смертей). В целом **смертность среди российских заключенных вдвое выше, чем средняя в Европе**, и продолжает расти. В 2023-м ФСИН зафиксировала **рекордную смертность от болезней системы кровообращения — такие диагнозы используют для сокрытия реальных причин смерти, отмечали** в правозащитной организации «Русь сидящая».

В том же году на содержание заключенного Россия **тратила** 600 рублей в день — меньше всех среди стран Европы. 70% от этой суммы уходило на оплату работы персонала. Расходы на питание, медицину, коммунальные услуги и обеспечение вещами вместе занимали 27%.

Проблемы с медициной касаются всех осужденных, в том числе и тех, кто сидит по политически мотивированным делам.

11 ноября 2024 года в реанимации **скончался** осужденный по делу об организации деятельности экстремистской организации (ч. 1 ст. 282.2 УК) 68-летний Свидетель Иеговы **Александр Лубин**. Он ушел из жизни уже на свободе. По всей видимости, его здоровье подорвали полтора месяца, проведенные под стражей.

В июне 2024-го в красноярской колонии **умер** 62-летний бывший пилот из Абакана **Игорь Покусин**. У мужчины стоял стент в сердце и протезы вместо двух суставов, его посадили на 8 лет по обвинению в «приготовлении к госизмене» (ч. 3 ст. 30, ст. 275 УК).

16 февраля 2024-го в колонии погиб оппозиционер **Алексей Навальный**. Его близкие и соратники уверены, что политика **убили**. Сам он еще в 2021 году **жаловался**, что не может сидеть из-за боли в спине, но лекарств в колонии ему не дают и диагноз не ставят. В 2023-м Алексей Навальный полгода безуспешно **добивался** помощи стоматолога, **страдал** в ШИЗО от лихорадки и кашля.

За последние шесть лет только среди 12 ученых-физиков, арестованных по делам о госизмене, **умерли** трое. Онкобольной **Роман Ковалев** — через неделю после освобождения, **Дмитрий Колкер** — через два дня после ареста, **Виктор Кудрявцев** — через полтора года после того, как больше года он провел в СИЗО.

ОВД-Инфо поговорил о системных проблемах с медицинской помощью в российской системе исполнения наказаний с бывшим ведущим аналитиком УФСИН России по Москве, правозащитницей Анной Каретниковой. Как аналитик ФСИН, с 2016 года она посещала следственные изоляторы и пыталась решать проблемы арестованных и осужденных. В январе 2023 года ее отстранили от работы. Коллеги предупредили, что оставаться в России небезопасно, и Каретникова покинула страну.

Анна Каретникова в Бутырке во время работы во ФСИН, 2019 год /
Фото: страница Анны Каретниковой в Facebook

Она рассказала, что, кроме случая с Алексеем Навальным, не помнит, чтобы над политзаключенным издевались, пользуясь состоянием его здоровья, «именно с целью издевательства».

«Например, Горинову не выдавали лекарства до моего вмешательства (в Москве) и до поднятия шума общественностью (когда Алексей был уже в колонии) не для издевательства, а просто — ну, а зачем кому-то оказывать

медпомощь, если можно не оказывать? Все привыкли: врач занят, лекарств нет. И этот тоже пусть привыкает. Но это — не точечное, адресное издевательство», — считает правозащитница.

Тем не менее, по ее словам, все устройство медпомощи во ФСИН в ужасном состоянии и его нужно «глубинно реформировать».

«Даже в Москве в каждой медчасти хирурга нет. С лекарствами очень плохо. С каждым годом, насколько мне известно, выделяется все меньше денег из бюджета на медицину. С оборудованием плохо. Сколько мы ни бились, чтобы были КТ или МРТ хотя бы в „Матросской тишине“, ничего не нашли. Поэтому, если больному нужна процедура, надо договариваться с гражданской больницей, а там не любят спецконтингент [заключенных]», — говорит Каретникова.

Именно в СИЗО «Матросская тишина» поэт **Артем Камардин**, получивший семь лет за чтение стихов на антимобилизационных «Маяковских чтениях», **мучился** от болей в спине и не мог обследоваться.

Кроме того, во ФСИН не любят принимать помощь для заключенных от родственников. Как объяснила Каретникова, если тюремный доктор возьмет таблетки, которых не хватает, к нему будут претензии.

«Его тут же сверху спросят: мы не поняли, у всех лекарства есть, а у тебя нет? А ты куда растратил? Может, ты хочешь в тюрьму? А нет ни у кого. Поэтому для всех комиссий, для прокурора в медчасти разложены упаковки. А попросишь показать вторую — тут начнется. Попытаются скрыть нехватку или переложить ответственность», — говорит она.

Но позитивный опыт тоже бывает. Волонтерка, помогающая одному из заключенных в колонии, рассказала ОВД-Инфо, как решала бюрократическую проблему, когда группа поддержки

одновременно отправила бандероль с препаратами и медицинскую передачу, хотя так делать нельзя.

«Я звонила много раз в приемную передачу. Во всех отделах люди очень уважительные, никто не хамил. Все разговаривали очень по-человечески, я удивилась и порадовалась искренне. И они сами меня попросили, чтобы я звонила, они сами содействовали», — рассказала она.

«ТАК ОТНОСИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ НИ К КОМУ: ОСУЖДАЮТ НА КОЛОНИЮ, А НЕ НА ПЫТКИ»

В журнале «Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России» **пишут** об эффективной работе медико-санитарных частей ФСИН России, ведь с 2015 года показатели общей смертности и смертности от заболеваний снизились более чем на 12%. Сотрудничающие со ФСИН аналитики утверждают в статьях, что медицинская помощь в местах заключения с 2015 года стала доступнее и качественнее.

Динамика и структура смертности от всех причин и смертности от заболеваний среди лиц, содержащихся в учреждениях ФСИН России

Годы	Смертность от всех причин, на 100 тыс. чел.	Темп прироста / снижения, %	Смертность от заболеваний, на 100 тыс. чел.	Темп прироста / снижения, %	Доля смертности от заболеваний в структуре смертности, %
2015	589,8	-	497,7		84,4
2016	533,3	-9,6	438,9	-11,8	82,3
2017	502,4	-5,8	412,1	-6,1	82,0
2018	471,5	-6,2	391,8	-4,9	83,1
2019	452,5	-4,0	365,3	-6,8	80,7
2020	480,3	6,1	383,9	5,1	79,9
2021	503,7	4,9	405,2	5,6	80,4
2022	523,0	3,8	434,6	7,3	83,1
2023	517,2	-1,1	433,6	-0,2	83,8

Источник: «Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России»

В январе ученый и правозащитник **Грегори Винтер**, осужденный на три года за антивоенный комментарий, **написал** Владимиру Путину письмо с просьбой об эвтаназии. Мужчина уверен, что его в колонии без доступа к инсулину ждет «максимально мучительная смерть».

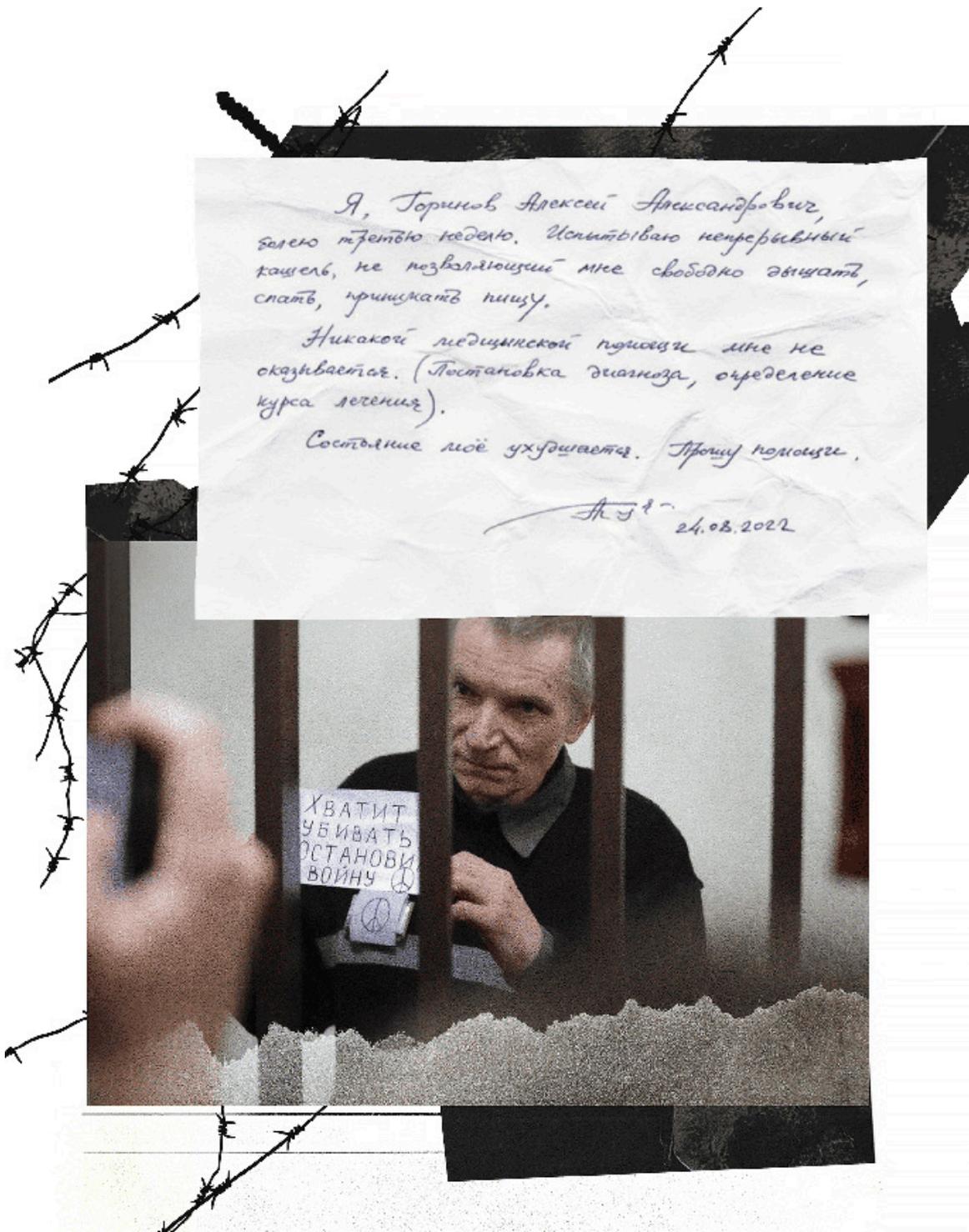
«Оказывается, для СИЗО в России в принципе инсулин не покупают — его физически нет, якобы человек должен заехать под арест со своим инсулином. Где его взять в условиях тюрьмы и как связаться с родными, история умалчивает.

А ассоциированные лекарства — випидия, галвус — ФСИН РФ во всей стране их не закупает. Я думаю, когда диабетиков приговаривают к длительным срокам заключения, это смертная казнь для них», — **говорил** Винтер в 2023 году.

В июле 2024-го он жаловался, что за пять месяцев в СИЗО не получил ни одной таблетки от государства, пройти комиссию на подтверждение инвалидности ему не дали. В апреле Винтеру пришлось разбить об пол шприц-ручку с инсулином, чтобы попасть к медику.

Сейчас мужчина в колонии в Кирово-Чепецке (Кировская область), где инсулин ему не выдают, передачи лекарств организует группа поддержки. Каждый месяц они лично привозят инсулин, так как передать лекарства с большим запасом нельзя.

Бывший муниципальный депутат **Алексей Горинов** отбывал срок в шесть лет и 11 месяцев колонии общего режима за антивоенное высказывание на заседании совета депутатов, 29 ноября 2024 года его **осудили** еще раз. 63-летнему мужчине добавили три года колонии строгого режима за «оправдание терроризма» (ст. 205.2 УК) в беседах с другими заключенными, вину он не признал. Заключенный переболел воспалением легких, страдает от туберкулеза, он неоднократно **жаловался** на отсутствие медицинской помощи. В декабре 2023 года правозащитникам Фонда «Общественный вердикт» даже пришлось срочно **обращаться** к спецдокладчикам ООН, чтобы обратить внимание на угрозу жизни Горинова.

Записка Алексея Горинова о неоказании медицинской помощи в СИЗО в августе 2022 года;

Алексей перед оглашением второго приговора в ноябре 2024 года / Фото: группа поддержки, SOTAvision / Иллюстрация: Mila Grabowski для ОВД-Инфо

Спустя год фонд подробно описал типичный путь тяжелобольного заключенного к врачу. Так, больной лейкемией **Александр Рыбаков** из ИК-9 Пермского края **попал** на прием в гражданскую больницу лишь спустя 8 месяцев, пройдя 7 стадий.

Анна Каретникова подтвердила, что вывезти человека на обследование сложно, четырех сотрудников ФСИН приходится снимать с работы «на земле». Гражданские больницы не любят такие визиты и могут саботировать процесс, отметила она.

«Приедешь — вы опоздали на 10 минут, еще два месяца ждите. Вот так рак у больного уже в четвертой стадии, как у [политзаключенного, писателя] Захара Зарипова», — говорит Каретникова.

В самих медучреждениях заключенных зачастую продолжают держать в тюремных условиях. Мария Бонцлер рассказала, как Игоря Барышникова привезли на операцию в областную больницу и поселили с ним в палате трех охранников.

«Ну что это такое? Он не убийца, не насильник. Он просто что-то написал в интернете. Часто в гражданской больнице наручниками пристегивают к кровати. Николай Сенцов был с инсультом и в наручниках! Так относиться нельзя ни к кому: осуждают на колонию, а не на пытки», — высказалась адвокат.

«ПОКА ЧЕЛОВЕК НЕ НАЧИНАЕТ БИТЬСЯ В КОНВУЛЬСИЯХ, НИКТО ПРОСТО ВНИМАНИЯ НЕ УДЕЛЯЕТ»

26 ноября апелляционный суд **заменял** писателю **Захару Зарипову** пять лет колонии за пост о Рамзанае Кадырове на 350 тысяч рублей штрафа, 29-го он **вышел** на свободу. Мужчина находился под стражей с января 2023 года, с сентября жаловался на растущую опухоль, но только в феврале 2024-го ему разрешили обследоваться. И лишь в сентябре врачи подтвердили рак околоушной слюнной железы четвертой стадии.

В конце октября Зарипова прооперировали и вернули в СИЗО, опухоль проросла в соседние ткани, у него парализовало

правую часть лица, пострадала координация правой руки.

В ноябре стало известно, что заключенный **теряет** зрение.

В прокуратуре, аппарате Уполномоченного по правам человека и УФСИН по Хабаровскому краю адвокату Зарипова заявили, что «не имеют права» держать его в СИЗО, но и не могут освободить, потому что окружной военный суд и апелляционный военный суд «не отвечают на их запросы». Кроме того, апелляционный суд не рассматривал жалобу на приговор мужчине более полугода.

15 октября на свободу вышел **Алексей Москалев**, осужденный за «повторную дискредитацию» армии (ст. 280.3 УК). Силовики обратили внимание на его соцсети из-за антивоенного рисунка дочери в школе — ОВД-Инфо подробно **писал** об этом.

В колонии у мужчины серьезно **пострадало** зрение, он рассказал, что старался «экономить» его для ответов на письма. Как признался Москалев, он не думал выжить и дожидаться свободы, потому что в заключении созданы все условия, чтобы человек «заболел, переболел и умер».

Алексей Москалев после освобождения, октябрь 2024 года / Фото: ОВД-Инфо

«Медицинской помощи там нет практически никакой, к медику [в ИК № 6 в Новомосковске] попасть почти невозможно. Он человек пожилой, ему за 70, даже на осужденных не смотрит. Если посчастливилось попасть к нему в кабинет, он сидит и говорит, глядя в стол: „Фамилия, на что жалуешься, что болит?“», — вспоминает Москалев.

Когда адвокат добился отправки политзаключенного к окулисту в Тульскую областную больницу, его — в наручниках и на цепи — конвоировали четыре человека. Москалев видел, что люди в очереди смотрели на него, «как на прокаженного».

29 мая 2024 года президент России Владимир Путин подписал закон о немедленном освобождении тяжелобольных осужденных сразу после решения суда. Анна Каретникова назвала это решение абсолютно технической нормой, которая не несет смысловой нагрузки.

«Сложно активироваться, освидетельствоваться. Пока человек не начинает биться в конвульсиях, никто просто внимания не уделяет. А вот когда чувствуют, что он может умереть прямо

сейчас, статистику испортить, тогда все сразу начинают звонить, бегать по коридорам, чай даже свой оставляют», — говорит Каретникова.

Как она объяснила, освобождать тяжелобольных заключенных опасно, за это врачей могут посадить самих. Правозащитница напомнила про дело доктора Александра Кравченко, получившего семь лет колонии общего режима в 2023 году. Руководителя крупнейшей в стране тюремной больницы в СИЗО «Матросская Тишина» признали виновным в постановке фиктивных диагнозов осужденным и подследственным. Врач возражал, что лишь честно выполнял свою работу, спасая жизни.

«В Москве с тех пор вообще на какое-то время активировать перестали, и сейчас это с большим трудом происходит, все боятся. Надо, чтобы ты благодарно умер, желательно в течение месяца после освобождения. Если не умер, а гулять пошел, то капец врачу», — описывает ситуацию Каретникова.

В январе в больнице умер фигурант дела о «фейках» по мотивам политической ненависти (п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК) **Сергей Неворотин**. Неворотина приговорили к шести годам, больше года он провел в СИЗО и в колонии. Затем его освободили от наказания из-за четвертой стадии онкологического заболевания в сентябре 2024-го, последние дни Сергей провел в седативном сне.

Фото из семейного архива Неворотиных / Иллюстрация: Mila Grabowski для ОВД-Инфо

Активироваться мужчине помогли адвокат от ОВД-Инфо и юристы проекта **«Неотложка»**. По словам последних, когда у Неворотина нашли болезнь, врачи и администрация учреждения содействовали его скорейшему освобождению.

РЕАГИРУЮТ ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ РЕЗОНАНСА

После начала войны с Украиной и массовой вербовки заключенных ситуация с их лечением осталась той же, по-прежнему удручающей. Или даже ухудшилась: Каретникова отмечает, что пока она еще работала по ФСИН, то слышала разговоры в духе: «Какие заключенным таблетки? Таблетки все уехали на фронт».

«Ситуация была плохая и остается, с войной она никак не связана. Если стало меньше заключенных, это не значит, что врачи стали работать лучше», — считает руководитель исследовательских программ Фонда «Общественный вердикт» Асмик Новикова.

Все так же не хватает медикаментов и оборудования, есть проблема с доступом к гражданским больницам и равнодушием тюремных врачей. Они «деформируются» порой даже сильнее сотрудников ФСИН, обращает внимание Каретникова.

Сейчас медицинский персонал в местах заключения подчиняется УОМСО ФСИН. В результате реформы 2014 года врачи больше не являются штатными сотрудниками колоний и изоляторов, но, как **подчеркивает** «Общественный вердикт», все еще встроены в «вертикаль медицинской службы внутри ФСИН».

«Сделали половину шага и встали в раскорячку над пропастью. Врачи теперь как бы независимая ветвь, которая смыкается только на уровне федеральной службы, но никому от этого легче не стало. На мой взгляд, даже стало немножко хуже. И бывало так, что начальник СИЗО просит полечить кого-нибудь, а врач ему: не буду, я тебе не подчиняюсь, я пошел пить чай», — говорит Каретникова.

Сейчас же и врачи, и руководство «дружно саботируют процесс» и реагируют только в случае резонанса, отмечает она. В местах лишения свободы, кроме врачей в погонах, есть и гражданские, но многие, по словам Каретниковой, совсем не готовы к такой работе. По ее опыту, действительно хорошие, внимательные специалисты, как правило, достаточно обеспеченные люди, которые пришли в тюрьму из интереса или из ощущения собственной миссии.

«А вот кто шел за деньгами, они всегда злобные, потому что час стоишь на КПП на вход и на выход, контингент неприятный... И даже за большие деньги ты очень скоро становишься злобным, ленивым и ничего не хочешь», — констатирует экс-аналитик ФСИН.

Фото: страница Анны Каретниковой в Facebook / Иллюстрация: Miła Grabowski для ОВД-Инфо

Когда заключенному плохо, но врачи бездействуют, огласка может помочь. 30 ноября 2024 года **Валерия Зотова**, осужденная за поджог здания администрации после провокации ФСБ, **получила** больничный и нужные лекарства именно после публикаций о проблеме. Поэта Вячеслава Малахова, получившего два года за повторную «дискредитацию армии» (ч. 1 ст. 280.3. УК), отвели к зубному после того, как группа

поддержки **пожаловалась** на двухнедельное бездействие врачей в СИЗО.

Анна Каретникова утверждает, что в принципе ФСИН реагирует на внимание журналистов, а ГУФСИН в Москве — даже на ее посты в соцсетях. Именно огласка проблем со здоровьем полезна заключенным, она не вредит в отличие от внимания к многим другим вопросам внутри учреждений ФСИН, подчеркивает эксперт.

«И по субкультурным тюремным понятиям на здоровье жаловаться можно. А редко когда допустимо жаловаться, чтобы тебе „блаткомитет“ дорогу не перешел. И ФСИН реагирует: дадим опровержение, что никто не болеет, но так и быть, отвезем тебя к врачу, а то там „иностранцы“ бушуют», — добавляет Каретникова.

В то же время некоторые **«смотрящие»** все равно запрещают заключенным «создавать проблемы».

«У меня с некоторыми „смотрящими“ были безобразные совершенно сцены. Они запрещали жаловаться на здоровье, и потом больные просто умирали. Мне приходилось иметь с ними неприятные разговоры на их языке», — рассказывает правозащитница.

Мария Бонцлер согласна, что гласность спасает заключенных. Она вспоминает, что Игоря Барышникова даже вызывал к себе начальник колонии и называл звездой YouTube.

Правда, результат от визита к врачам есть далеко не всегда. Пока саксофониста **Андрея Шабанова** судили по статье о призывах к терроризму (ч. 2 ст. 205.2 УК) за посты в сети, он тоже получил медицинскую помощь только после огласки в СМИ. У музыканта вторая группа инвалидности, в суде он снял футболку, чтобы **показать**, как «гниет заживо» из-за псориаза. Но помочь ему в тюремной больнице все равно не смогли и вернули в изолятор.

«Лечение особых результатов не дало, а это еще один весомый плюс к тому, что я избежу реального срока. СМЭ это подтвердила. <...> Возможностей у тюремной больницы не хватает, чтобы держать мое здоровье в удовлетворительном состоянии. У ФСИН нет иного выхода, как „отказаться“ от меня», — **писал** он «Новой газете».

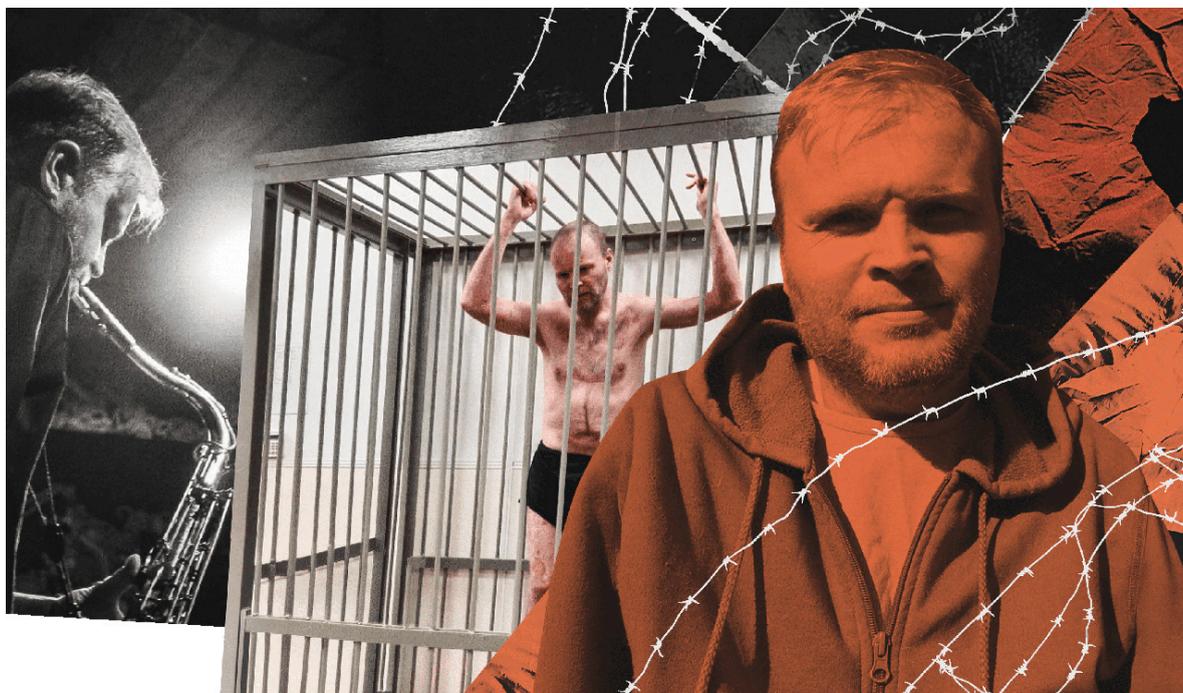

Фото из семейного архива Шабановых, телеграм-канал «Слово защите»
/ Иллюстрация: Mila Grabowski для ОВД-Инфо

3 декабря 2024 года врачебная комиссия **не нашла** причин освобождать мужчину из-под стражи. 5 февраля 2025-го его осудили на шесть лет колонии.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Прогнозировать, что станет с тюрьмами после окончания войны с Украиной, Анна Каретникова не готова. По ее мнению, перемены будут, но вот в какую сторону — не ясно. Быстрого способа улучшить ситуацию с медициной она тоже не видит.

«Как улучшить систему? Превратиться в какую-нибудь Эстонию, где тюрьмы закрываются. Нельзя обойтись мелкими

шагами, потому что, когда вся система заточена исключительно на отчетность, а не на оказание помощи больным, что можно изменить? Обеспечить тюрьмы лекарствами? Все равно их никто не станет выдавать заключенным. Будут экономить, вдруг придет проверка», — рассуждает экс-аналитик ФСИН.

Вся тюремная система РФ существует ради себя, а не ради людей внутри, отмечает она. В 1990–2000-х во ФСИН пытались ориентироваться на Европу, но научились только подражать, говорит Каретникова.

Когда женщина работала в Москве, для следственно-арестованных вводили даже занятия по йоге и программу «12 шагов» для наркозависимых, вспоминает экспертка. «Но потом всех благополучно уволили, потому что зачем такое? И уволили всех сотрудников, которые позволяли себе общаться с прессой и правозащитниками. На этом все закончилось, приблизительно к началу полномасштабного вторжения в Украину», — сожалеет она.

Асмик Новикова подтверждает, что у сложных проблем нет простого решения. Сама ФСИН себя реформировать не будет, так не бывает, нужно решение властей, говорит она.

«Сначала происходит какой-то скандал, потом общественный резонанс, после этого власти начинают что-то менять. Это происходит в любой стране ровно по такому циклу. Значит, мы ждем каких-то очередных отвратительных случаев, связанных с тюремной медициной, чтобы начались какие-то движения. Такие случаи — это, например, когда заключенного из-за конвоя не довезли до срочной операции и он умер», — объясняет Новикова.

В апреле 2023 года «Общественный вердикт» опубликовал доклад о состоянии медицинской помощи ФСИН и обозначил три ключевых рекомендации по тому, как ее реформировать. Правозащитники считают необходимым полностью вывести тюремную медицину из подчинения ФСИН, передав

ее Минздраву; упростить порядок получения медпомощи; отказаться от принципа «исчерпания».

Асмик Новикова, руководитель исследовательских программ Фонда «Общественный вердикт» / Скриншот: YouTube-канал «Скажи Гордеевой»

«Принцип исчерпания — это именно законодательный принцип, в соответствии с которым администрация не будет пытаться организовать лечение за пределами колонии, пока не убедится в том, что человека нельзя вылечить в их системе. И это очень плохо, потому что обычно означает, что болезнь должна достичь каких-то предельных форм», — поясняет Новикова.

Она подчеркнула, что правозащитники не могут сами решить проблемы в тюрьмах, а коммуникации с ФСИН у фонда нет с 2012 года, после принятия закона об «иноагентах».

«Им же фактически запретили какую-либо коммуникацию. Никто не может их обязать делать то, что мы считаем нужным», — говорит Новикова.

Мария Бонцлер считает, что в первую очередь нужно сделать доступной для заключенных гражданскую медицину. Это

необходимо, чтобы успеть помочь, пока не поздно.

«Тюремную медицину реформировать бесполезно», —
заключает адвокат.

Алексей Белкин

Проект ОВД-Инфо «Неотложка» помогает политпреследуемым за решеткой, которым не оказывается медицинская помощь и у которых есть тяжелые заболевания, препятствующие заключению под стражу и тюремному наказанию.

Проект помогает составлять жалобы на национальном и международном уровнях, ходатайства об освобождении тяжелобольных, обращения о направлении в медицинские учреждения для диагностики и лечения.

*Обратиться за помощью **можно по форме.***